

Жиганова Елена Павловна

кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры белорусской и
зарубежной литературы
Белорусский государственный
педагогический университет
имени Максима Танка

Elena Zhiganova

PhD in Philology, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Belarusian and Foreign Literature
Belarusian State Pedagogical University
named after Maxim Tank
zhiganovalena@mail.ru

ФИТОНИМИЧЕСКИЕ НОМИНАЦИИ
В СОВРЕМЕННОМ РУССКОЯЗЫЧНОМ
ПОЭТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ БЕЛАРУСИ

PHYTONYMIC NAMES
IN THE CONTEMPORARY RUSSIAN-LANGUAGE
POETIC DISCOURSE OF BELARUS

Статья посвящена выявлению репрезентативного потенциала фитонимических номинаций, широко представленных в современной русскоязычной поэзии Беларуси. Наряду с традиционной номинативной функцией, фитонимы реализуют и более сложные ассоциативно-смысловые и символические значения, являются ярким выразительным средством, способствующим, с одной стороны, воплощению авторского замысла, с другой стороны, выражению национальной языковой картины мира. В статье анализируются знаковые для современной культурной традиции образы березы, сосны и дуба, которые в поэтическом дискурсе выявляют свой внутренний потенциал, образуя новые лексико-семантические варианты и коннотативные оттенки и созначения.

К л ю ч е в ы е с л о в а: фитонимы; поэтический дискурс; аудиальные; визуальные; тактильные; ольфакторные коннотации.

The article is devoted to identifying the representative potential of phytonymic names, most abundant in modern Russian-language poetry of Belarus. Along with the traditional nominative function, phytonyms also implement more complex associative, semantic and symbolic meanings. These meanings are also vivid expressive means that contribute to both the embodiment of the author's idea and the expression of the national linguistic picture of the world. The article analyzes the images of birch, pine and oak, which are significant for the modern cultural tradition and reveal their internal potential in poetic discourse, forming new lexical and semantic variants, connotative nuances and meanings.

K e y w o r d s: phytonyms; poetic discourse; auditory; visual; tactile; olfactory connotations.

Фитонимическая лексика является репрезентантом природного мира и представляет собой особую тематическую группу, с помощью которой реализуется познание и описание человеком окружающего его природного мира. Это делает изучение функционирования подобной лексики актуальным, что также обусловлено аккумуляцией в ней не только мен-

тальных, но и антропоцентрических факторов порождения художественного текста, формирующих в конечном итоге образную и художественную целостности.

Фитонимы несут коннотативный заряд и обладают большим метафорическим потенциалом. Поэтому по большей части исследователи фитонимической лексики сосредоточивают внимание либо на лингвистических аспектах (таких, как внутренняя форма и коннотации (Е. В. Крепкогорская [1], А. М. Летова [2], С. С. Шумбасова [3], Е. А. Петрунина [4], Л. Ф. Пулицева [5], Н. Ш. Ягумова [6]), либо на использовании их в роли второго элемента метафорического сравнения (Н. И. Коновалова [7], Ю. А. Дьяченко [8], С. Г. Горбовская [9]).

С одной стороны, фитонимы представляют собой универсальные наименования растений, которые используются носителями языка в большинстве случаев в прямом значении. С другой стороны, в поэтическом контексте номинативная функция подобных лексем чаще отходит на второй план, а внимание сосредотачивается на образных и коннотативных ассоциациях, выявляемых в разных контекстуальных ситуациях. Подобные семантические приращения зачастую обусловлены спецификой миропонимания и мироощущения автора, а также смысловым объемом лексических единиц, использованных в поэтическом дискурсе.

В данной статье внимание обращается на особенности функционирования фитонимической лексики в современном русскоязычном поэтическом дискурсе Беларуси. Исследование проводилось методом сплошной выборки на материале антологии русскоязычной поэзии Беларуси [10]. В статье использовались контекстуальный, семантико-стилистический, описательный методы, а также элементы компонентного и статистического анализа.

В ходе исследования выявлено более 700 лексических единиц, анализ которых позволил выделить следующие тематические группы: деревья, кустарники, цветы, травы, плоды, грибы.

В статье внимание уделяется самой частотной из представленных фитонимических групп – названиям деревьев (выявлено более 470 текстовых включений). В поэтических текстах чаще всего используются названия деревьев, произрастающих на территории Беларуси: *береза* (67), *сосна* (51), *дуб* (40), *рябина* (39), *тополь* (35), *клен* (31), *липа* (26), *ива* (17), *ель* (17), *черемуха* (15), *осина* (12), *верба* (12), *каштан* (10), *ольха* (4). Редкими в исследуемом контексте оказались названия экзотических для природы Беларуси деревьев – *платан*, *чинара*, *орех*, *сакура*.

Особо значимыми в художественном континууме восточных славян являются такие фитонимы, как *береза*, *сосна* и *дуб*, что подтверждается частотностью их использования в исследуемом русскоязычном поэтическом контексте.

Так, *береза*, по представлению древних людей, приносит счастье, оберегает от зла и одновременно связана с душами умерших. Данный фитонимический образ часто используется в обрядовом и необрядовом фольклоре, где функционирует в качестве знака с положительными коннотациями.

Значимость фитонима *сосна* в художественном континууме также объясняется сложившейся в восточнославянском фольклоре традицией использования данного символа в обрядовом и необрядовом фольклоре. «В русских, белорусских и украинских народных песнях сосна выступает в качестве символа мирового древа. С сосной как деревом культовым и почитаемым последовательно связывается функция медиатора, посредника между «этим» миром и «верхним» мирами, а также «тем светом», где обитают души умерших. Сосна, как и другие хвойные деревья, тесно связана в обрядах и поверьях с темой смерти. Возможно, это объясняется тем, что сосна – дерево вечнозеленое, то есть противостоящее смерти и угасанию, символизирующее вечную жизнь» [11, с. 113].

Фитоним *дуб* в традиционной культуре славян «предстает деревом почти универсальным, все “валентности” которого оказываются заполнены и который может реализовывать любые значения и функции, характерные для дерева в целом. В приоритете у дуба – культовые и “локативные” функции (быть местом и объектом культовых действий), а также профилактические и лечебные ритуалы (часто примыкающие к культовым и совершающиеся около растущего дерева), они, взятые вместе, гарантируют заповедность дуба, широкий спектр символических значений, из которых формируется образ “первого” дерева славянского дендрария и которые это дерево воплощает на всем пространстве поля культуры – в языке, верованиях, фольклорных сюжетах и ритуальных практиках» [11, с. 72].

Широкая распространенность данных деревьев на территории Беларуси позволяет им активно включаться в канву поэтического повествования и прежде всего выражать маркер Родины, малой и большой, родного пространства. Так, субстантив *береза* ассоциируется с Беларусью и употребляется в одном линейном ряду (*О, Белая, Белая, Белая Русь... / В молчании белом **березы** (Виктор Куц), Я горжусь **березами** твоими, / Белорусский край, любимый край!* (Андрей Душечкин).

Сосна и дуб, в свою очередь, маркируют более узкие топосы, поскольку в картине мира белоруса образ Родины чаще всего сужается до понятия малая родина (город, деревня, дом, угол (бел. – *кут*): *Там, где сосны, там мой дом, Сердце любит эту землю, / Эти сосны...* (Анна Тихонова); *Наши сказки и наши были, / Наши сосны и наш простор* (Андрей Тявловский); *И так люблю мне под сенью дуба, / Вспоминая Коласа Якуба, / Выдохнуть душой: Мой родны кут...* (Бронислав Спринчан).

Почитание деревьев у белорусов, как и у многих других народов, связано с обожествлением природы, что нашло свое отражение в мифопоэтической картине мира восточных славян. Дерево представляет собой символ вечной жизни, своеобразную мировую ось (или мировое древо), разные уровни которой символизируют мироустройство: крона связана с Богом, светом, корни – с подземным миром, миром умерших. Интересен тот факт, что именно сосна и дуб в белорусской культурной традиции могут становятся сакральными деревьями. Обычно сакрализуются деревья, на которых появляются божественные лики, в которые ударяет молния, рядом с ними находится культовый камень или бьет святой источник. Согласно преданиям, такие деревья обладают целительной силой и особо почитаются среди местного населения. На данный момент на территории Беларуси известны следующие сакральные деревья:

Святая Сосна (у деревни Будча Ганцевичского района), на которой в XVIII веке, согласно преданию, явилась икона Божией Матери, рядом протекал источник;

Святая Сосна на перепутье (у деревни Цвермы Лидского района), которая после удара молнии обрела особые целительные свойства;

Святая сосна Кулина (в верховье реки Вилия у деревни Красники Докшицкого района), рядом с которой находится сакральный камень;

Царь-дуб (у деревни Старое Роматово Малоритского района), самый старый дуб Беларуси, обладающий целительной силой;

Святой Дуб (у деревни Костевичи Волковысского района), где, согласно преданию, явилась чудесная икона;

Дуб-Якуб (у деревни Козлы Несвижского района) и Царь-дуб (у деревни Тадулино Лепельского района), которые являются самыми старыми в округе и были посажены в честь рождения детей.

Точное количество сакральных деревьев Беларуси определить сложно, поскольку некоторые из них погибают, появляются новые, да и местные жители, оберегая свои святыни, склонны их скрывать.

В поэтическом дискурсе подобная традиция отражается в описании деревьев. В частности, подчеркивается их размер (*Дубы и сосны в три обхвата* (Наталья Советная), *В три колечка на камне змея, / в три обхвата матерый дубок* (Алексей Жданов); возраст (*Им этот остров стал последней песней, а дуб столетний церковью служил* (Юрий Сапожков); могущественная сила (*Тот могучий, высокий, раскидистый дуб, / Что с рябиной хотел повенчаться* (Иван Юркин), *Среди болот, на островочке тесном, / могучий дуб напоминает нам, / как скользкой гатью, лишь тебе известной, / сюда спешили, кто остался жив* (Юрий Сапожков); посредничество с иными мирами (*Настанет день – усталая душа / Земной одёжки ветошь отряхнёт... / Останется, не ведая себя, / Под кряжистой смолистою сосной, <...> / Неспешно солнце тенью от сосны / Земных часов отсчитывает ход* (Елена Агина), *Вцепившись жадно в суть земли, / Прижат к больной реке ветрами, / Он слышит глубь, двоясь в мели, / И беседует с веками* («Дуб», Феликс Мыслицкий).

Довольно конкретные лексические значения фитонимов выявляются в контекстах с локативным содержанием и указанием на элементы окружающего пейзажа: *И только березы, березы / В окошке вагонном летят* (Сергей Ваганов), *А мечта – остановиться, / У березки посидеть* (Тамара Краснова-Гусаченко); *Перепрыгнул на сосну, / смел снежок с ее вершинки / и осыпал тишину* (Иван Бурсов), *А душа страдает все равно, – / где-то в соснах светится окно, / там поэмы кто-то сочиняет* (Игорь Шкляревский); *Боже мой, я совсем не о том, / Что за окнами сосны да поле* (Елена Агина); *Белки с грибами – под небеса. / Лисы за белками – на дубы* (Олег Сешко), *Затихал в дубах / Кудрявый ветер* (Григорий Соколовский).

Динамизм исследуемым фитонимическим образам в поэтическом контексте придают перцептивные образные признаки, которые возникают на основе визуальных, аудиальных, ольфакторных и тактильных ощущений. Их экспликация происходит за счет использования соответствующей по значению лексики.

Аудиальные коннотации являются наиболее частотными при создании поэтического образа березы: *Я так хочу пройти тропинкой детства / За руку с мамой, вдоль знакомого ручья. / Послушать шум берез* (Иван Юркин), *Счастлив я, что всегда вы со мною, / Как родник, отчий дом, тихий шелест берез* (Иван Юркин), *Так спокойно берёза шумит на ветру, / ни листочка ещё не роняя* (Татьяна Лейко), *Под широким ветром берёзы шумят* (Владислав Артёмов), *Лёг бы (тихо вздохнув) в эту горькую землю, / на которой так звонко берёзы растут* (Александр Слащев), *Листья с берез, / налетая, срывает, / Струнно стволами звенит* (Николай Ковале-

вич), *И, окунаясь в озёрную тишь, / Слушая шелест берёз у отрогов* (Олег Зайцев). В качестве экспликантов для реализации подобных семантических приращений выступают субстантивы *шум, шелест*, глаголы *шуметь, звенеть*, наречия *звонко, струнно*. Подобные звуковые коннотации обусловлены тем фактом, что фитонимы выступают в данных контекстах в качестве объекта воздействия, что, в свою очередь, может определяться гендерной соотносительностью фитонима с женским образом.

Подобную ситуацию можно наблюдать в репрезентации фитонима *сосна*, однако здесь аудиальные коннотации чаще всего вербализуются с помощью глаголов *звучать, шуметь, шуршать, скрипеть*: *Сосны на ветру звучат, как гусли, / И опять душа моя полна / Думами о судьбах Беларуси* (Бронислав Спринчан), *а сосны иглами шуршащими сорят* (Татьяна Бирченко), *там шумит теперь бор сосновый* (Глеб Арханов), *за стеной скрипит в ночи сосна* (Анна Васильева), *и сосны шумят, осыпая пыльцу золотую* (Екатерина Самигулина).

В меньшей степени аудиальные коннотации характерны для фитонима *дуб*, что обусловлено соотносительностью с мужским образом, вследствие чего на первый план выходят иные черты – мужественность, сила, устойчивость: *Чёрные дубы не шелестят* (Юрий Фатнёв). Аудиальные коннотации присутствуют в контексте со значением юности, молодости, для чего используется суффиксальный дериват *дубок*: *Зашумит своей кроной дубок* (Алексей Жданов).

Фитонимические образы в современном русскоязычном поэтическом дискурсе «прирастают» визуальными коннотациями часто за счет использования эпитетов-колоронимов. К числу эпитетов, обусловленных литературной традицией, относится адъектив *белый* при фитониме *береза*: *косы белой березы, рощи белых берез* (Иван Юркин), *И будет ничего не жаль – / лишь эту белую березу* (Татьяна Лейко). Визуализация образа, реализующего подобное колористическое значение, может достигаться с помощью иных средств выражения, в ряде случаев – сравнительных оборотов: *Вдруг березка млечная / Порасправит плечики* (Виктор Куц), *Березы инеем покрылись* (Иван Юркин), *Нежностью березы просветлели* (Тамара Краснова-Гусаченко), *Как березка у дома светла!* (Михаил Поздняков), *Как струи молока, тела березок – / Воздушность, лёгкость, белизны восторг!* (Наталья Советная), *Белейшими стоят березы свечками* (Татьяна Бирченко).

Визуализация образа может достигаться с помощью включения различных колоронимов в состав метафор, олицетворений, метонимий, благодаря чему расширяется палитра фитонимического образа: *Тихо чара-*

ми своими / снял **наряды желтые с берез** (Николай Иванов), На земле городской снятся мне по ночам / Гроздь красных рябин, **косы белой березы** (Иван Юркин), И нить дороги раскачала звонко / **Подвески желто-розовых берез**, По **золоту берез** / октябрьские дожди (Виктор Куц).

Реже визуальные коннотации сопровождают образ *сосны*. В отличие от *березы*, у *сосны* нет устойчивого литературного эпитета-колоронима, поэтому зрительный образ обусловлен чаще авторским замыслом и реализуется посредством метафорических моделей и эпитетов: **дремали сосны в инее** (Николай Иванов), Я, как и он, влюблён / В просторы эти, / В осеннюю печаль / **Седых сосен** (Григорий Соколовский), Жёлтой по **зелени** вышив каймой, / В **соснах** запутался луч утомлённый (Иван Бисев), **Сосновый** лес взмахнет **зеленой** шалью (Ирина Петрова), И **сосны** шумят, осыпая пыльцу золотую, / сон наш качая **в медных** своих ладонях (Екатерина Самигулина). Иногда визуальный образ реализуется благодаря принципу психологического параллелизма, основанному на сопоставлении психологического состояния героя и состояния природы: **Смурная**, глядишь за окошко: / там **черные сосны** стоят (Ольга Злотникова). Подобный прием используется и применительно к фитониму дуб: **Тёмный** дом. Не проскрипит калитка / **Чёрные дубы** не шелестят (Юрий Фатнёв), где эмоциональный настрой лирического героя «подпытывается» окружающей его обстановкой.

В поэтическом контексте образ дуба в меньшей степени визуализирован, нежели образы *березы* и *сосны*, что в какой-то мере предопределено гендерной соотнесенностью: женские образы более яркие и красочные, нежели мужские. Встречается в исследуемом дискурсе традиционный для фитонимической лексики колороним *зеленый* (*Выйдешь тихо утром ранним / Под **зеленый** свод дубрав* (Лариана Кыркалова)), который отражает цвет древесной кроны.

Тактильные коннотации возникают в контекстах, предполагающих ситуацию прикосновения, вызывающую особые переживания и чувства. Подобные семантические приращения вербализуются с помощью глаголов, выражающих значение прикосновения, близости (*обнять, поцеловать, гладить, прислонить, лнуть*): Я **обниму холодную берёзу**, / Взгляну на мир и снова удивлюсь (Владислав Артёмов), **Обнимал березку**, клен, / Красную рябину (Иван Юркин), И хочется в горечи снова заплакать, / **Березу** вдруг в родинку **поцеловать** (Феликс Мыслицкий), У **березы** стою, ствол ладошкой **гладя** (Ирина Петрова), К ней **сосна** свои плечи / **Прислонила**, пьяна (Сергей Ваганов), **Дубравы лнут** во мне в моих лесах (Светлана Евсеева). Выражение тактильных коннотаций может быть опосредовано

авторским чувственным опытом: *И зябко в предрассветности рассиней / Луне в воде и **соснам** на горе* (Дмитрий Ковалёв), ***Дрожит сосна**, / О, как **дрожит сосна!*** (Александр Драгохруст).

Ольфакторные коннотации часто маркируются глаголом *пахнуть*, *веять* и иными лексемами, связанными со значением запаха: *И **березами пахнувший** ветер / По больничным палатам пройдет* (Михаил Шелехов); *В бору **сосновом**, облучённом, / **Не пахнет** пасмурный рассвет* (Андрей Скоринкин). Подобных коннотаций, репрезентующих фитонимы *береза*, *сосна* и *дуб*, немного. «Рекордсменами» в этом отношении являются фитонимы *черемуха*, *липа*, *тополь* (***Настоем черемухи полдень дышал*** (Елена Крикливец), *Куда ж бежать от **аромата**: / **Черёмуховый** окоём* (Олег Ананьев), ***Липа сладко**, чуть **приторно веет*** (Анна Васильева), *Ах, как **пахнут** – из детства приветом! – / Почки выстрелив в мир, **тополя*** (Надежда Солодка).

Антропоморфные образы являются неотъемлемой частью фольклорной традиции, впоследствии перешедшей в литературу и эксплицирующейся в поэтическом дискурсе посредством олицетворений. В современной русскоязычной поэзии Беларуси олицетворение является наиболее продуктивным типом образного словоупотребления фитонимической лексики. Перенос в подобных конструкциях может осуществляться на основе уподобления действиям человека: ***Березы письма пишут** при звезде* (Дмитрий Ковалёв), *Тот могучий, высокий, раскидистый **дуб**, / Что с рябиной **хотел повенчаться*** (Иван Юркин), *От её ль, от колыбельных песен / Дом пылал, **валились с ног дубы**, Два старых **дуба им помашут** с кручи* (Владислав Артёмов), ***Сосны в скорбном – чернобыльском плаче** / Восковую **роняют слезу*** (Олег Ананьев); внешним признакам: *Лишь за просекой **брезжит в тумане** / Черёда **голоногих берез*** (Елена Агина), *И **женственность** / **Неброская берёз*** (Григорий Соколовский), ***Дуб, сильный и высокий**, ждет беда* (Эдуард Скобелев). В большей степени благодаря олицетворениям фитонимические образы реализуют свою гендерную принадлежность.

Наряду с олицетворениями продуктивным типом образного словоупотребления в исследуемом контексте выступают эпитеты. Кроме эпитетов-колоронимов, о которых речь шла выше, выделяются группы, в которых внимание акцентируется на внешнем облике (виде) того или иного дерева (кудрявый, облезлый, кряжистый, седой и др.): *В **благословенный мир весенний** / **Парящих праздничных берез*** (Бронислав Спринчан), *И **подставляют взмыленные сучья** / для виселиц **облезлые березы*** (Константин Михеев), ***Косы кудрявых берез*** (Иван Юркин), ***Под кря-***

жистой смолистою сосной (Елена Агина). В отдельных случаях актуализируется темпоральный признак: *Жемчужина в оправе изумрудной / Сто-летних сосен* (Виктор Куц), *Я, как и он, влюблён / В просторы эти, / В осеннюю печаль / Седых сосен* (Григорий Соколовский) и пр.

Фитонимы, называющие деревья, могут выступать в поэтическом тексте в качестве субъекта сравнения: *Как струи молока, тела березок* (Наталья Советная), *Сосен стволы будто свечи* (Анна Васильева), *Здесь сосны, / как зенитные стволы, – / любая может выстрелить былиной* (Иван Бурсов), *Сосны на ветру звучат, как гусли* (Бронислав Спринчан). Обращает на себя внимание регулярное использование творительного сравнения: *Белейшими стоят берёзы свечками* (Татьяна Бирченко), *Стеной органа уходила ввысь / Сосновая реликтовая роща* (Вадим Спринчан).

Фитоним дуб в исследуемом поэтическом дискурсе выступает лишь как объект сравнения: *Стоит, / могучий и красивый, / весь, словно дуб, в тугих узлах* (Иван Бурсов), *Они бредут, нагнувшись, как дубы, / Они сквозь смерть прошли и не увязли* (Владислав Артёмов). Подобные сравнительные однословные конструкции имеют анимистическую направленность (в них с дубом чаще всего сравнивается человек).

Функционирование вышеупомянутых фитонимов в поэтическом контексте, при наличии общих тенденций, имеет и некоторые отличительные черты.

Так, например, отличительной чертой фитонима *сосна* в современной русскоязычной поэзии является наличие коннотаций, связанных с концептом «память»: *Мне сосны шепчут о былых сраженьях* (Виктор Куц), *Этот дедовский край / ты отныне своим нареки / и у сосен узнай / о дремучей и вечной печали* (Елена Крикливец), *Никуда не уйдешь от судьбы. / Повелела нам Родина-мать / корчевать вековые дубы, / корабельные сосны валять* (Алексей Жданов). Подобные семантические приращения возможны в силу того, что сосна – дерево-долгожитель – является свидетелем давно минувших дней и носителем памяти о прошедших событиях.

Нарочитый антропоморфизм дуба в исследуемом контексте выдвигает на первый план такую черту, как маскулинность, что реализуется в большом количестве олицетворений, построенных на глаголах и глагольных формах: *Дуб побрякивает: / «Э-эх!»* (Иван Бурсов), *Два старых дуба им помашут с кручи* (Владислав Артёмов), *Братались гордые дубы / ломтем дерновым* (Татьяна Жилинская).

В отличие от дуба, антропоморфизм в реализации образа березы обуславливает использование большого количества «женских» эпитетов, характеристик, атрибутов-аксессуаров, олицетворяющих этот образ:

И женственность / Неброская берёз (Григорий Соколовский), *Нежностью берёзы* просветлели, / Зеленью на синей панораме / Неба – / запечатались (Тамара Краснова-Гусаченко), *И вдруг ощутить уставшей душою / всю беззащитность* мартовских *берёз* / на фоне тающего снега (Алла Никифорова); *Где берёзкам и ольхам / янтарные серьги* дарил (Николай Ковалевич).

Таким образом, фитонимические номинации обладают богатым образным и метафорическим потенциалом, который реализуется в поэтическом контексте чаще всего посредством олицетворений, эпитетов и сравнений. Коннотативными значениями фитонимы обладают за счет ближайшего текстового окружения, благодаря которому вербализуются аудиальные, визуальные, ольфакторные и тактильные ощущения и ассоциации. Все это свидетельствует о значимом репрезентативном потенциале фитонимической лексики в современном русскоязычном поэтическом дискурсе Беларуси.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Крепкогорская, Е. В.* Сопоставительный анализ фразеологических единиц с компонентом фитонимом в английском и русском языках : дис... канд. филол. наук : 10.02.20 / Евгения Всеволодовна Крепкогорская ; Казан. (Приволж.) фед. ун-т. – Казань, 2012. – 233 с.
2. *Летова, А. М.* Семантические особенности фитонимов в русском фольклоре : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Анна Михайловна Летова ; Моск. гос. обл. ун-т. – М., 2012. – 198 с.
3. *Шумбасова, С. С.* Функционирование флористической лексики и фразеологии в английском языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Светлана Сергеевна Шумбасова ; Гос. соц.-гум. ун-т. – М., 2011. – 332 с.
4. *Петрунина, Е. А.* Английские фразеологические единицы с компонентом фитонимом / Е. А. Петрунина // Вестн. ун-та Рос. академии образования. Сер. Филология и журналистика. – 2008. – № 3. – С. 28–31.
5. *Пуцилева, Л. Ф.* Культурно детерминированные коннотации русских зоонимов и фитонимов: на фоне итальянского языка : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Лариса Филипповна Пуцилева ; С.-Петерб. гос. ун-т. – СПб., 2009. – 239 с.
6. *Ягумова, Н. Ш.* Фитонимическое пространство в языковой картине мира: словообразовательный и мотивационный аспекты : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02; 10.02.20 / Нуриет Шумафовна Ягумова ; Адыг. гос. ун-т. – Майкоп, 2008. – 213 с.

7. Коновалова, Н. И. Народная фитонимика как фрагмент языковой картины мира / Н. И. Коновалова. – Екатеринбург : Изд-во Дома учителя, 2001. – 156 с.
8. Дьяченко, Ю. А. Фитонимическая лексика в художественной прозе Е. И. Носова : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Юлия Александровна Дьяченко ; Курс. гос. ун-т. – Курск, 2010. – 197 с.
9. Горбовская, С. Г. Обновление традиции флорообразности во французской литературе начала XIX века на примере поэзии Альфонса де Ламартина / С. Г. Горбовская // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 9. Филология, востоковедение, журналистика. – 2011. – Вып. 2. – С. 15–23.
10. Поэзия русского слова : антология современной русскоязычной поэзии Беларуси. – Минск : Беларус. навука, 2019. – 2 т.
11. Агапкина, Т. А. Деревья в славянской народной традиции : очерки / Т. А. Агапкина. – М. : Индрик, 2019. – 656 с.

Поступила в редакцию 21.03.2025